

УДК 94(47).027
DOI 10.52452/19931778_2023_4_12

ЦЕРКОВНЫЙ КАЛЕНДАРЬ КАК СРЕДСТВО ЗАБОТЫ О БУДУЩЕМ В ДОМОНГОЛЬСКОЙ РУСИ

© 2023 г.

А.В. Лаушкин

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова, Москва
Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет, Москва

laushkin@list.ru

Поступила в редакцию 01.08.2023

Автор указывает на то, что в темпоральной культуре древнерусской элиты не позднее XI в. закрепляется представление, согласно которому каждому дню года сопутствует свой небесный покровитель, определяемый церковным календарём. Приурочение начала важного дела к определенному дню церковного года позволяло надеяться, что покровитель этого дня окажется и помощником в начинаемом деле.

Ключевые слова: Древняя Русь; церковный календарь; даты светских и церковных церемоний; темпоральность.

Средневековый христианин осмысливал мир вокруг себя в провиденциальных категориях и видел в движении истории плод мистического диалога Бога и людей. Это взаимодействие Творца и Его творения развертывалось во времени, а само время воспринималось как среда и средство такого общения. Пронизывающий средневековую темпоральную культуру символизм особенно ярко проявлял себя во внимании к непреднамеренным календарным «соединениям» весомых событий с важнейшими вехами литургического календаря и в сознательном приурочении значимых церковных и светских церемоний к особым дням минейного, триодного и недельного циклов богослужений. Сохранные древнерусскими источниками точные даты событий оказываются сами по себе интересными объектами исследования и позволяют выявлять те элементы календарной практики древнерусской элиты, которые дают новый материал для понимания мировоззрения человека того времени.

В 1168 г. киевский князь Мстислав Изяславич, собрав союзников, нанес решительное поражение половцам в битве у Черного леса. Этот военный триумф Мономахова правнука – самый громкий в его жизни – Ипатьевская летопись описывает в пространном известии под 6678 г. Летописец увидел в произошедшем проявление Промысла Божьего и особо подчеркнул оправдавшееся упование победителей на силу Креста Господня: они отправлялись в поход, «възрѣвше на Б(о)жню помочь и на силу ч(е)стнаго Х(ре)с(т)а, и на м(о)л(и)тву с(вя)тѣи Б(огороди)ци», а возвращались, хваля «Всем(и)л(о)ст(и)ваго Б(ог)а и силу ч(е)стнаго Кр(е)ста» [1, стб. 538–540]. Это двой-

ное упоминание Креста можно было бы принять за обычное проявление топики воинских повествований, если бы ранее во всем обширном Киевском своде, к которому принадлежит рассматриваемое известие, подобная ремарка о помощи Креста не встречалась бы в рассказах о войнах с иноплеменниками лишь однажды – в сообщении о победе над половцами князя Ярополка Владимировича под 6634 г. (и ещё дважды аналогичные замечания читаются в более поздних статьях памятника) [1, стб. 290, 558–559, 563; см. также: стб. 624]. Таким образом, нельзя сказать, что перед нами слишком расхожий мотив. А раз так, есть смысл присмотреться к обстоятельствам похода 1168 г., которые могли подтолкнуть участников и летописца обратить особое внимание на Крест.

Таким обстоятельством, по всей видимости, была дата начала похода, которую летописец определил следующим образом: «м(ѣ)с(я)ца марта въ 2 д(ь)нь, въ д(ь)нь суботный Середохр(е)стьяноѣ недѣли» [1, стб. 539; 2, с. 180]. Речь идёт о кануне 3-го – Крестопоклонного – воскресенья Великого Поста. А.Е. Мусин, комментируя данную приуроченность, заметил, что в этот день совершался «вынос креста в связи с сугубым воспоминанием крестных страданий Спасителя» [3, с. 277]. Правда, надо уточнить, что недельная череда богослужений, посвященных Кресту Господню, который выносился для поклонения, начиналась лишь вечером упомянутой субботы [4, л. 120 и сл.; 5, с. 572–575 и сл.], когда армия должна была уже покинуть город. Но летописцу и такое календарное соседство показалось столь значимым, что он нарочито подчеркнул его, назвав день начала

похода субботним днём «Середохр(е)стьноѣ недѣли», хотя на деле этот день не принадлежал к Средокрестной седмице Великого Поста, начало которой полагало лишь следующее за ним Крестопоклонное воскресенье. Хронологическое указание хотя и не было совсем точным, высвечивало временную канву произошедшего: начало и первые шесть суток похода оказались сопряжены с литургическим периодом особого великопостного чествования Креста Господня, который, по уже давно устоявшейся византийской традиции, воспринимался не только орудием спасения в духовной жизни, но и символом воинской победы [6, с. 51–58, 93 и др.]. Следует думать, что именно с этим календарным сопряжением (возможно, – намеренным) и было связано отмеченное внимание ко Кресту в рассказе о событиях 1168 г. Более того, правомерно задать вопрос: не ожидали ли участники похода помощи Креста как раз потому, что вышли навстречу своим врагам во дни его богослужебного прославления?

Сохранившиеся источники позволяют думать, что именно так всё могло и быть.

Понимая будущее как плод диалога Бога и людей, средневековый человек стремился воздействовать на него не только практическими делами, но и делами благочестия. «Бл(а)гоч(е)стье же ко всякому полезно есть, обѣщан(и)е имоущи жизни нынѣшня и боудоущия» [7, с. 369], – писал апостол Павел (1 Тим. 4: 8). И хотя эту библейскую аксиому не надо было доказывать, автор Введения к Начальному своду не счел излишним напомнить, что если творить добро, то это прямо повлияет на будущее – и земное, и небесное: «и здѣ добрѣ [поживем], и тамо вѣчнѣи жизни причастници будемъ» [8, с. 104]. Другой причастный к раннему летописанию книжник указал на обратное – поведение нечестивое (в данном случае – нарушение клятвы) приведет грешника к тому, что он «и здѣ приметъ казнь, и на придушемъ вѣцѣ – казнь вѣчную» [9, стб. 172].

Среди дел благочестия на одном из первых мест, без сомнения, надлежало находиться молитве. Практика молитвы – от храмовых богослужений до частных обращений к Богу – регулировалась не только церковными установлениями и локальными традициями, но и разнообразными представлениями, не зафиксированными в канонических предписаниях. Одним из них и была вера в то, что молитва, обращенная непосредственно к Богу, может быть Им скорее услышана во дни господских праздников, молитва Богородице – во дни богородичных торжеств, молитва к святым и к бесплотным Силам Небесным – во дни их памяти.

Это представление появляется на Руси очень рано и фиксируется уже начальным летописанием. Владимир Святой, согласно припоминанию Начального свода под 6504 г., построил в г. Василеве церковь Преображения Господня, исполняя обет, данный им в день этого праздника, когда ему грозила смертельная опасность со стороны печенегов [8, с. 166; 9, стб. 124–125]. Ясно, что за обетом стояло молитвенное обращение князя ко Христу, прославляемому в тот день Церковью с особой торжественностью. Повесть временных лет под 6576 г. рассказывает, как томившийся в киевской тюрьме князь Всеслав Брючиславич в праздник Крестовоздвижения, 14 сентября 1068 г., стал молиться об избавлении Кресту, клятву на котором нарушили посадившие его в «поруб» Ярославичи. И уже на следующий день получил просимое: «се-го же, – эмоционально отметил летописец, – явѣ избави Кр(е)сть ч(е)стныи» [9, стб. 171–172].

При таком взгляде на календарь каждый день словно бы обретал своего небесного покровителя, которому следовало возносить мольбы и которого следовало благодарить за оказанную помощь.

Подтверждение тому можно отыскать и в других текстах рассматриваемого времени. К примеру, Владимир Мономах сообщает в своём Поучении, что в сражении у Белой Вежи (год битвы неизвестен) он одержал большую победу над половцами и что случилось это «заутра на Г(о)с(по)жинѣ д(ь)нь» – на Успение Богородицы. Комментируя произошедшее, князь добавляет: «Б(ог)ъ ны поможе и с(вя)тая Б(огороди)ца» [9, стб. 248–249]. Реплика о помощи Богородицы явно находится у Мономаха в прямой связи с календарным совпадением – в других местах своего сочинения он ещё не раз помянул помощь Бога, однако ни разу больше не указал на заступничество Пречистой Девы. О таком же восприятии календарного совпадения прямо свидетельствует автор известия о княжеской усобице в Лаврентьевской летописи под 6657 г.: в бою под Луцком князь Андрей Юрьевич попал в отчаянное положение и спасся только благодаря молитве к Богу и св. Феодору Стратилату, праздник которого отмечался в день сражения (8 февраля 1150 г.) [2, с. 61; 10, с. 265–266] – «призва на помощь собѣ с(вя)таг(о) м(у)ч(ени)ка Феодора, и по вѣрѣ его избави и Б(ог)ъ без вреда и с(вя)тыи м(у)ч(е)никъ Феодор, быс(ть) бо и памят(ь) с(вя)таг(о) мученика Феодора во тѣ д(ь)нь» [9, стб. 325]. Спустя семь десятилетий через призму церковного календаря распознал истинную причину своего спасения в тяжелой военной ситуации и князь Даниил Романович. Как рассказывает Ипатьевская

летопись под 6721 г., не выдержав натиска венгров и поляков, он вынужден был оставить Галич. Отступление было трудным, в войске начался «глад велик». Однако «на каноун с(вя)т(а)го Дмитрѣя»¹ (25 октября 1219 г.)² князю удалось захватить возы с продовольствием и накормить людей. По словам летописца, произошедшее было воспринято участниками похода как заступничество солунского чудотворца: «и похвалиша Б(ог)а и святаго Дмитрѣя, яко накорми я» [1, стб. 734–735]. Впоследствии, основав город Холм, Даниил построит там каменный «волтарь прес(вя)т(а)го Дмитрея» (храм, посвященный святому) и украсит его «красным» образом мученика, принесенным «издалеча» [1, стб. 845]. И ещё позже – в 1245 г. [12, с. 33, 67] – специально назначит на день его памяти свой отъезд в Орду к Батыю [1, стб. 806; 13, с. 115–116].

Проявления данного подхода к календарю можно отыскать и за пределами Руси. Так, болгарский царь Иван Асень II в своей знаменитой Тырновской записи засвидетельствовал, что победа над салоникским императором Феодором Комнином в Клокотницком сражении 1230 г., произошедшем 9 марта на память Сорока Севастийских мучеников, была одержана им с помощью этих святых [14, с. 35].

Взглянуть на рассматриваемое представление с нового ракурса позволяет одна любопытная ремарка в Поучении Владимира Мономаха.

Вспоминая о своём непростом решении уступить Чернигов двоюродному брату Олегу Святославичу, пришедшему к городу с половцами и уже начавшему жечь окрестные села и монастыри, князь сообщает, что покинул Чернигов «на с(вя)т(а)го Бориса д(ь)нь» (24 июля 1094 г.). Без сомнения, маневр был крайне опасным. На виду у врага Владимир уходил с небольшой дружиной (у него было лишь около сотни мужей и воинов). Княжеские воины двигались «с дѣтми и с женами» и, конечно же, за ними следовал обоз, полный дорогих вещей. По словам Мономаха, обступившие дорогу половцы «облизахутся на нас, акы волцы стояще». Тем не менее путешествие прошло успешно. Князь не объяснил, назначал ли он свой «исход» на праздник сознательно или же это было случайное совпадение, однако подчеркнул, что благополучное достижение конечной цели пути произошло благодаря заступничеству святого: «Б(ог)ъ и с(вя)т(а)го Борисъ не да имъ мене в користь – неврежени доидохом Переяславлю» [9, стб. 226, 249]. Тут надо отметить, что процессии с детьми и женами предстояло преодолеть длинную дорогу, которая должна была растянуться на много дней. Расстояние между

Черниговом и Переяславлем по прямой составляет около 160 км, реальный же путь (например, через Киев) был как минимум километров на сто длиннее. Учитывая, что суточный переход в такой ситуации едва ли мог превышать 40–50 км (а на деле, скорее всего, был короче)³, переезд с берега Десны на берег Трубежа занял у Мономаха и его людей никак не меньше недели. В первые дни сохранялась опасность погони если не самого Олега, то пришедших с ним половцев; не были застрахованы путники и от других дорожных опасностей. И в такой ситуации князь ощущал небесную помощь своего святого сродника на всем протяжении пути – вплоть до Переяславля с его надежными валами и стенами. Мономах говорит о своеобразном «благословении праздника», которое пребывало с ним все дни пути. Другими словами, дело, начатое на память святого, оказывалось, в понимании князя, под молитвенным покровительством этого угодника Божьего. Конечно, – если была на то воля Всевышнего: не случайно князь хвалит за помощь прежде всего самого Господа и лишь затем – молившегося Ему св. Бориса.

Если мы не ошибаемся, в сохранившихся русских текстах домонгольского времени данная мысль эксплицитно выражена лишь у Мономаха. Однако широко распространенная на Руси практика назначения торжественных церемоний, маркирующих начальные моменты важных дел, на крупнейшие праздники церковного года, воскресные дни или памяти чтимых святых (порой тезоименитых главным участникам церемоний или их ближайшим родственникам) может, по-видимому, рассматриваться как проявление того же самого воззрения на сакральную значимость церковного календаря. Речь идет о целом спектре церемоний, как княжеских, так и епископских, хронологическая приуроченность которых в последние годы стала объектом пристального внимания исследователей. Это постриги княжичей, восшествия князей на столы, выходы княжеских дружин на войну, съезды правителей, отдельные звенья брачных ритуалов знати, закладки и освящения церквей, хиротонии епископов и их входы после поставления в свои кафедральные города и др. [краткую библиографию темы см.: 17, с. 6–7, прим. 4; см. также: 18–20].

Нет сомнения, что для средневекового князя или епископа календарь был не только инструментом организации времени, но одновременно являлся коммуникативным средством, посредством которого следовало обращаться и к Всевышнему, от Которого, в конечном счете, грядущее и зависело, и к своим современникам, понимающим символизм календарных приуро-

чений. Календарь, а вместе с ним и календарные стратегии древнерусской элиты крепко связывали прошлое с настоящим и настоящее с будущим.

Примечания

1. О тесной богослужбной и символической связи кануна с праздником следующего дня см., напр.: [11, с. 117].

2. Память св. Димитрия Солунского – 26 октября [10, с. 185–186].

3. В другом месте Поучения Мономах, хвалясь перед сыновьями своей былой лихостью, вспоминал, что в молодости добирался от Чернигова до Киева за один день («днем есмь переѣздить до вечерни»), но говорил об этом как о своём особом личном достижении [9, стб. 250]. Нормальный же суточный переход конного войска на марше (согласно уставным армейским нормам первой половины XX в.) составлял от 37 до 55 км [15, с. 83; 16, с. 44–45]. Гражданская процессия двигалась, разумеется, ещё медленнее.

Список литературы

1. Полное собрание русских летописей (ПСРЛ). Т. 2. М.: Академия наук СССР, 1962. 938 стб.+108 с.

2. Бережков Н.Г. Хронология русского летописания. М.: Академия наук СССР, 1963. 376 с.

3. Мусин А.Е. *Milites Christi* Древней Руси: Военская культура русского Средневековья в контексте религиозного менталитета. СПб.: Петербургское востоковедение, 2005. 369 с.

4. Российская государственная библиотека. Ф. 304. I. № 25. Триодь постная, XIV в.

5. Булгаков С.В. Настольная книга для священно-церковнослужителей. К.: Типография Киево-Печерской Успенской лавры, 1913. Ч. 1. 1772 с.

6. Грабар А.[Н.] Император в византийском искусстве. М.: Ладомир, 2000. 238 с.

7. Чудовская рукопись Нового Завета 1354 года. М.: Северный паломник, 2001. 474 с.

8. Новгородская первая летопись старшего и младшего изводов. М.; Л.: Изд-во Академии наук СССР, 1950. 642 с.

9. ПСРЛ. Т. 1. М.: Академия наук СССР, 1962. 580 с.

10. Лосева О.В. Русские месяцесловы XI–XIV веков. М.: Памятники исторической мысли, 2001. 420 с.

11. Литвина А.Ф., Успенский Ф.Б. Время жить и время умирать: Текстология древнейших русских летописей или княжеская семейная традиция? // Факты и знаки. М., 2008. Вып. 1. С. 108–121.

12. Грушевський М.С. Хронологія подій Галицько-волинської літописи // Записки Наукового товариства імені Шевченка. Львів, 1901. Т. 41. С. 1–72.

13. Лаушкин А.В. «Видя бѣду страшну и грозну»: ещё раз о днях отъезда русских князей в Орду // Исторический вестник. М., 2014. Т. 10 (157). С. 110–127.

14. Начев В. Български надписи. София: Христо Ботев, 1994. 270 с.

15. Измествев П.И. Краткое руководство по элементарной и общей тактике. Составлено по опыту последних войн. Пг., 1919. 248 с.

16. Боевой устав конницы РККА. М., 1942. Ч. 2.

17. Лаушкин А. В. «Приходи Ярополк ко Всеволоду на Великъ день»: княжеские съезды домонгольской поры в зеркале церковного календаря // Вестник Московского университета. Серия 8: История. 2021. № 3. С. 3–21.

18. Лаушкин А.В. Устраивали ли триумфы русские князья домонгольского времени? // Российская история. 2022. № 3. С. 3–14.

19. Лаушкин А.В. «Ведена бысть дщи Святополча в Ляхы...»: О днях одной свадебной церемонии XII в. // Восточная Европа в древности и Средневековье. Чтения памяти чл.-кор. АН СССР В.Т. Пашуто: Межэтнические контакты в социокультурном контексте. М., 2022. Т. 34. С. 153–155.

20. Лаушкин А.В. Перенесение святынь в домонгольской Руси: календарная грань церемоний // Вестник ПСТГУ. Серия II. 2023. Вып. 111. С. 11–30.

THE CHURCH CALENDAR AS A MEANS OF CARING FOR THE FUTURE IN PRE-MONGOL RUS

A. V. Laushkin

The author points out that in the temporal culture of the Old Rus elite no later than the XI century the idea is fixed, according to which each day of the year is accompanied by its heavenly patron, determined by the church calendar. The timing of the beginning of an important business to a certain day of the church year allowed to hope that the patron of this day would also be an assistant in the business being started.

Keywords: the Old Rus; the Church calendar; the dates of the secular and ecclesiastical ceremonies; temporality.

References

1. The Complete Collection of Russian Chronicles (CCRC). Vol. 2. M.: Academy of Sciences of the USSR, 1962. 938 col.+108 p.
2. Berezhkov N.G. Chronology of the Russian Chronicle. M.: Academy of Sciences of the USSR, 1963. 376 p.
3. Musin A.E. Milites Christi of Ancient Russia: The military culture of the Russian Middle Ages in the context of religious mentality. St. Petersburg: St. Petersburg Oriental Studies, 2005. 369 p.
4. Russian State Library. Coll. 304. I. № 25. Lenten triode, XIV century.
5. Bulgakov S.V. A table book for the sacred clergy. K.: Printing house of the Kiev-Pechersky Dormition Lavra, 1913. Part 1. 1772 p.
6. Grabar A.[N.] The Emperor in the Byzantine Art. M.: Ladomir, 2000. 238 p.
7. The Chudovskaya manuscript of the New Testament of 1354. M.: The Northern Pilgrim, 2001. 474 p.
8. The Novgorod first Chronicle of the elder and younger izvodov. M.; L.: Publishing House of the Academy of Sciences USSR, 1950. 642 p.
9. CCRC. Vol. 1. M.: Academy of Sciences of the USSR, 1962. 580 p.
10. Loseva O.V. Russian months of the XI–XIV centuries. M.: Monuments of historical thought, 2001. 420 p.
11. Litvina A.F., Uspensky F.B. Time to live and time to die: Textual history of the oldest Russian chronicles or princely family tradition? // Facts and signs. M., 2008. Issue 1. P. 108–121.
12. Grushevsky M.S. Chronology of the events of the Galician-Volyn Chronicle // Notes of the Shevchenko scientific society. Lviv, 1901. Vol. 41. P. 1–72.
13. Laushkin A.V. « Seeing a terrible disaster and a thunderstorm»: once again about the days of the departure of the Russian princes to the Horde // Historical Bulletin. Moscow, 2014. Vol. 10 (157). P. 110–127.
14. Nachev V. Bulgarian inscriptions. Sofia: Hristo Botev, 1994. 270 p.
15. Izmestyev P.I. A brief guide to elementary and general tactics. Compiled from the experience of the last wars. Pg., 1919. 248 p.
16. The combat charter of the cavalry of the Red Army. M., 1942. Part 2.
17. Laushkin A.V. «Come Yaropolk to Vsevolod on the Great Day»: princely congresses of the Pre-Mongol era in the mirror of the church calendar // Bulletin of the Moscow University. Series 8: History. 2021. № 3. P. 3–21.
18. Laushkin A.V. Did the Russian princes of the Pre-Mongol time arrange triumphs? // Russian History. 2022. № 3. P. 3–14.
19. Laushkin A.V. «The daughter of Svyatopolk was led to Lyakh...»: About the days of a wedding ceremony of the XII century // Eastern Europe in Antiquity and the Middle Ages. Memory readings corresponding member USSR Academy of Sciences V.T. Pashuto: Inter-ethnic contacts in a socio-cultural context. Moscow, 2022. Vol. 34. P. 153–155.
20. Laushkin A.V. The Transfer of shrines in Pre-Mongol Russia: the calendar facet of ceremonies // Bulletin of OSTUH. Series II. 2023. Issue 111. P. 11–30.